

ЛИНА
РОМ.

Любовь,
магия
и ложь

18+

Лина Ром

Любовь, магия и ложь

<https://litres.ru/74505874>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ведьма ничего не знающая о своём кулоне, и оценщик магических артефактов — она и не подозревает, что станет частью его коллекции.

Содержание

Глава 1 Наследие	4
Глава 2 Искра	12
Глава 3 Свидание	26
Глава 4 Осколки	43
Глава 5 Запретный плод	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лина Ром

Любовь, магия и ложь

Глава 1 Наследие

В ту секунду, когда голос Агаты прорезался первым в её жизни криком, сообщаящем о рождении здорового ребенка, её прабабушка перестала дышать.

За тысячи километров, на окраине глухой деревни где-то посреди леса, в маленькой душной комнате с просевшими окнами и плотно задёрнутыми шторами, женщина, чей возраст давно перевалил за сотню, впервые за последние пару десятков лет неожиданно пришла в себя. Помутневший взгляд обрел неестественную ясность, сухие пальцы с неожиданной силой вцепились в рукав дочери, досматривающей ее.

— Девочка, — прохрипела она задубевшими голосовыми связками. — Сейчас родится девочка. Отдай ей мой кулон, — прошептала она тихим, осипшим голосом. — Отдай, слышишь?

Дочь замерла от испуга, забыв, как кричать. Она смотрела на собственную мать как на призрака.

— Отдам, — пообещала она, пытаясь высвободить рукав из стальной хватки.

Старуха улыбнулась ей в ответ:

— Мне наконец пора, — произнесла она с благоговением, будто последние годы в беспамятстве только этого и ждала.

Пальцы ее разжались, обессиленная рука упала на край постели. Последний выдох сорвался с её губ ровно в тот миг, когда в роддоме раскрылись лёгкие новорождённой Агаты.

Девочка была беспокойной, она истерично кричала каждую ночь, не давая родным спать, пока родственники не привезли тонкую цепочку с тёмно-красным камнем. Младенец, ещё не умевший ни держать голову, ни фокусировать взгляд, сама потянулась к кулону, будто понимала, что теперь он принадлежит ей.

В комнате сразу стало жарко. Камень лёг в маленькую ладонь, и карие глаза ребёнка на мгновение вспыхнули алым.

Мать испуганно вскрикнула. Отец инстинктивно отшатнулся в сторону. А тётка, державшая кулон, едва не выронила цепочку, почувствовав, как по металлу пробежало неестественное тепло.

Вместе с кулоном к Агате перешёл дар. А вместе с даром — страх всей семьи.

С того вечера в доме будто что-то изменилось. Не физически. На уровне шепота, на который все переходили, стихали, стоило матери взять дочку на руки. Отец всё чаще задерживался на работе, не желая возвращаться к жене, родившей «монстра», а тётка, прежде обожавшая приезжать к родственникам в город на выходные и праздники, теперь стара-

лась держаться подальше от их дома. Даже воздух в квартире словно стал плотнее — наполненный тревогой, которую маленькая Агата ещё не понимала, но уже чувствовала кожей.

Стоило Агате заплакать, как на кухне у матери с тонким звоном лопнул стакан. Если игрушка падала слишком далеко, она сама скользила по полу к детской ладони, стоило девочке только расстроено всхлипнуть. Она могла с лёгкостью стащить конфету из закрытого верхнего ящика, достать мамины украшения из шкатулки, и папин телефон из кармана куртки.

Однажды, когда отец увидел, как упавшая ложка сорвалась с пола и прыгнула ей в руку, он резко ударил по её пальцам.

— Нельзя. Никогда так не делай, — сказал он тогда с тем ужасом, который дети принимают за ненависть.

К семи годам она научилась главному: не помогать ни себе ни другим.

Не тянуть к себе упавший карандаш. Не останавливать чашку, летящую со стола. Не спасать, если кто-то вот-вот ударится.

Даже когда внутри всё сжималось от неправильности происходящего, Агата зажмуривалась и считала про себя до десяти, пережидая, пока желание вмешаться не стихнет. Пока то, что она хотела предотвратить, не произойдет.

Она быстро поняла, что без магии её любят больше. Когда она притворялась нормальной, мать могла даже погладить её

по волосам перед сном. Эти редкие прикосновения стали для Агаты почти наградой. Ради них она училась быть удобной. Тихой. Правильной. Даже если это противоречило её понятиям правильности.

Магия — зло.

Эту мысль ей не повторяли вслух каждый день, но она слышала её в каждом испуганном вздохе матери, в каждом отведённом взгляде отца, в каждом «нельзя», выкрикнутом взрослыми в порыве отчаяния.

А если магия была внутри неё, значит, что-то неправильное было и в ней самой.

В восемнадцать лет Агата уехала учиться в другой город, и родители впервые за долгое время выдохнули свободно. Они даже быстро договорились с дальней родственницей о пустующей квартире — лишь бы дочь жила отдельно. Подальше от них.

Они больше не писали и не звонили. Будто вычеркнув дочь из своей жизни, как только ей исполнилось восемнадцать.

И в этом одиночестве, в этой тишине было что-то пьяняще правильное. Впервые никто не вздрагивал, если чашка сама подплывала к её руке. Никто не кричал нельзя, если выключатель щёлкал без прикосновения. Маленькие бытовые чудеса, которые дома были под запретом, здесь стали её бытовыми привычками. Почти свободой, в которой она норовила захлебнуться.

Первым существом, которого она не смогла не спасти, оказался котёнок. Серый комочек почти слился с грязным мокрым асфальтом, и водитель явно не заметил бы его.

Агата только зажмурилась — по старой детской привычке, — и под веками полыхнул знакомый алый свет. Это означало, что она не справилась, снова не сдержала то, что рвется из неё в порыве помочь.

Раздался резкий хлопок: у машины пробило шину.

Когда она открыла глаза, дрожащий котёнок уже полз прямо к её ногам, будто знал, кто именно его спас.

Год спустя его фотография — уже важного, пушистого и отъевшегося взрослого кота — красовалась в её анкете на сайте знакомств, честно отсеивая собачников, людей с аллергией и психов, которые не любят котиков.

Сейчас Агата лениво листала анкеты прямо на паре, подперев телефон пеналом, и безжалостно смахивала влево анкеты без описания. Незачем тратить время на человека, который не удосужился даже пару слов о себе написать. Анкеты, где в окошке «о себе», человек писал требования к будущей избраннице, так же пролистывались без сожалений.

Особенно абсурдные анкеты она показывала Ане, своей единственной близкой подруге. Девушка переписывала домашку по другому предмету, который прогуляла из-за работы. Блондинистые волосы перекинуты набок так, чтобы видеть подругу даже склонившись над тетрадью.

Она бросает взгляд на экран чужого телефона и тихонько

хмыкает:

«Антон, 29. Тарелочницы не пишите мне!!! Ищу скромную девушку, готовую заняться интимом на первом свидании»

— Это шедевр, скинь мне скриншот, — просит она, возвращаясь к переписыванию. — Их что, всех на одном заводе штампуют?

— Видимо да, — согласилась Агата, зажимая две кнопки на корпусе телефона и продолжая листать.

На глаза попалась подробная анкета. Цель поиска: серьезные отношения. В описании ирония: «Сделал из своего хобби работу, теперь у меня нет хобби». Фото в пиджаке и рубашке, явно было сделано для резюме. Она листнула его вправо не на что особо не рассчитывая, уж слишком состоятельно он выглядит. Но неожиданно случился метч.

Девушку окатило смесью испуга и сладкого предвкушения. Ладони вспотели от волнения, а адреналин упал холодом в живот. Аня почувствовала это по колыханию её магии и повернулась.

— Что у тебя такое? — спрашивает она, с интересом заглядывая в чужой телефон. — Хорошенький на вид, но подозрительный, — сказала, сморщив недовольно носик и возвращаясь к тетради.

— У тебя все подозрительные, — отмахнулась Агата, улыбаясь.

— Я просто говорю, что чувствую, — она машинально по-

терла пальцами запястье, будто по коже пробежал холодок.

Первое сообщение не заставило себя ждать. Там приветствие и банальный комплимент её внешности. Без пошлостей, что уже хорошо. Дальше вопрос про котика. А интерес к котикам поощряется:

«Какой породы кот?

Чистокровный дворянин

А у меня кошечка, та ещё дворянка

«пользователь прикрепил фото»

А почему «Сопелька»?

Я подобрала его на улице котёнком, и он долго болел, сопли текли ручьём больше двух месяцев.

Я его в шутку называла «Сопелька», так и прижилось.

По паспорту он Савелий .»

«Мужчине с кошкой плюс один балл к карме», — усмехнулась Агата, смотря на фотографию пушистого облачка с небесно-голубыми глазами.

— Пошли, пара закончилась, — позвала её Аня, заметив, что подруга полностью погрузилась в телефон настолько, что не слышала заветное «можете уйти пораньше»

Они вышли в шумный университетский коридор, где пахло дешёвым кофе из автомата, влажными куртками и чужими духами. Вокруг гудели голоса, хлопали двери аудиторий, кто-то смеялся у окна, обсуждая планы на вечер. Агата почти не слышала этого шума — всё её внимание оставалось в телефоне, где напротив имени Дмитрия уже горел значок

печатает.... Ане даже пришлось оттащить подругу в сторону, чтобы ее не снесло потоком студентов, направлявшихся к единственному работающему лифту.

Переписка текла удивительно легко. Он не ограничивался сухими фразами и не засыпал банальностями, не звал сразу встретиться, а будто действительно хотел узнать её поближе. Отвечал на вопросы — те самые, которые она выработала за месяцы мучительных диалогов с идиотами всех мастей, и на которые многие отказывались отвечать, реагируя достаточно агрессивно. Но главное — он сам задавал вопросы. Настоящие. Не про количество бывших и свободные отношения, а про увлечения, учёбу, мечты, планы.

В общем и целом — вёл себя адекватно. И этим уже выгодно отличался от девяноста процентов предыдущих кандидатов. Впервые за долгое время уже во время переписки Агата почувствовала сладкое волнение в груди и пресловутых бабочек в животе. Она кусала губы и глупо улыбалась, смотря в экран.

Приглашение на свидание не заставило себя ждать. В груди все сжалось от предвкушения, а камень на шее вдруг стал чуть теплее. Она даже не думала отказываться. Это было бы глупо.

Глава 2 Искра

Дмитрий пообещал заехать за ней после пар. Что делает муки выбора одежды еще более сложными — образ нужно подобрать универсальный, чтобы и в университет пустили, и на встрече произвести впечатление.

Она уже успела трижды передумать, что надеть. Слишком строго — будет выглядеть так, будто пришла на собеседование. Нарядно — словно слишком старается. Что, конечно же, правда, но ему знать об этом не обязательно. В итоге выбор пал на платье, которое достаточно хорошо сидело по фигуре, чтобы чувствовать себя красивой, но не выглядело слишком вычурно.

Волнение жило где-то под рёбрами с самого пробуждения: лёгкое, тёплое, почти приятное. Настолько непривычное, что хотелось то улыбаться собственным мыслям, то срочно отменить все планы и заблокировать причину этих чувств.

Она насыпала в кружку сахар и, не глядя, щёлкнула пальцами: ложка послушно завертелась сама, оставляя за собой маленький водоворот. Красный камень в кулоне на её груди отозвался на магию.

Пока она старательно красила ресницы перед зеркалом, утюжок сам закручивал её волосы в мягкие волны — хотя бы у себя дома она может спокойно колдовать, не боясь строгих

взглядов. Здесь, наедине с собой и котом, она может быть настоящей, может быть собой. Ведьмой среди людей.

Яркий тинт оставил след на губах, чтобы цвет не смазался при контакте с кружкой. Она поправила волосы и достала лак. В сторону кота бросила предупредительное:

— Я буду брызгать.

Сопелька узнал банку, тут же покинул ванную и сел у порога, осуждающе жмурясь. Агата закрепила причёску, накрутила челку на бигуди, кокетливо подмигнула своему отражению и выбежала на кухню.

Чай расплескался по столу — ложка кружилась слишком быстро. Девушка поймала её за ручку и швырнула в раковину, магия её не слушается, поэтому такие оплошности стабильная часть жизни. Тряпка сама вытерла капли. Пара мелких глотков, короткий взгляд в окно — день обещал быть ясным. Значит зонт можно с собой не брать.

Сопелька запрыгнул на подоконник и потёрся о её руку, прогибая спинку и выставляя хвост трубой, оставляя шерсть на коже.

— Что, думаешь? — спросила она, и в голосе её прозвучала тяжесть усталости.

Кот ответил ленивым зевком и растянулся на солнце. Обозначая, как ему всё равно на любовные драмы. Особенно после кастрации.

Агата взглянула на часы. Пора выходить. Она нанесла блеск губы, сняла бигуди и натянула туфли, застёгивая ре-

мешок на щиколотке.

— Вернусь поздно, квартира на тебе. И пожелай мне уда-
чи, — крикнула она на прощание, выключая свет щелчком
пальцев и запирая дверь.

Все утренние пары Агата сидела в режиме повышенного
ожидания. Ей было абсолютно все равно, что ей там пытаются
вложить в голову. Она машинально делает записи в тетра-
ди, мысленно проигрывая все возможные варианты их пер-
вой встречи.

Она то и дело проверяла телефон под партой, перечитыва-
ла его последние сообщения и ловила себя на том, что слиш-
ком глупо улыбается в экран.

— Агата, вы вообще с нами? Или в облаках витаете? —
язвительно заметил преподаватель.

— Извините, просто настроение хорошее, — бодро отве-
тила она, блокируя экран.

— Главное, чтобы оно не испортилось, когда этот вопрос
попадется вам на экзамене, — с сарказмом прокомментиро-
вал он, возвращаясь к лекции.

— Не обращай внимания, — шепнула подруга. — Он про-
сто питается чужой тревожностью. Чем больше мы нервни-
чаем, тем моложе он выглядит.

Агата хихикнула в ладонь, стараясь не выдать себя сме-
хом. Зная Аню, она наверняка попала прямо в точку, а не
просто пошутила. Подруга не имеет прямых магических спо-
собностей, но в силу наследственности она может чувство-

вать магов и ведьм, а еще у нее хорошая чуйка. Наверное, именно это помогает ей прогуливать пары из-за работы, но при этом очень хорошо учиться. И именно эта способность однажды свела их вместе.

Аня взглядом выцепила Агату из толпы первокурсников. Яркие волосы и красный кулон словно кричали подойти и познакомиться. И в очередной раз чуйка не подвела Анну, Агата стала её подругой на время учёбы и, она очень надеется, на годы вперед.

Ровно в шесть пятнадцать к зданию университета подъехала тёмно-синяя «Мазда». Сама пунктуальность. Стекло передней двери плавно опустилось вниз — и Агата увидела его.

Губы сами растянулись в улыбке, холодный адреналин ударил в грудь, спускаясь в живот — как же она волнуется.

— Я пошла, — она обняла подругу на прощание. Аня сжала ее чуть сильнее, пристально смотря на мужчину через плечо подруги.

— Я что—то чувствую, будь осторожна, — шепнула Аня в ответ.

— Обещаю.

Аня отпустила подругу, провожая ее взглядом. Она пересеклась взглядом с мужчиной — по коже вновь пробежал уже знакомый холодок.

Ведьма села в машину и пристегнулась. Руки её слегка подрагивали от волнения, а взгляд был прикован к собствен-

НЫМ коленям.

— Рад встрече, — сказал мужчина, протягивая ладонь. — Дмитрий.

— Агата, — голос чуть хрипнул, ей пришлось прокашляться.

Он взял её пальцы и оставил губами теплый след на костяшках. Сердце тут же забилося чаще. Приятно, но слишком неожиданно.

— Голодная?

— Немного.

— Позволишь сводить тебя в моё любимое место?

— Только если там не слишком дорого. Я всё же студентка.

— Не говори глупости, я заплачу, — легко отрезал он, отпуская её ладонь и выезжая на дорогу.

Они ехали молча. Дмитрий постукивал пальцами по рулю в такт тихо играющей по радио песне, Агата разглядывала его боковым зрением. Костюм сидел безупречно, подчеркивал рельеф мышц. Волосы уложены. От кожи исходит приятный аромат мужских духов.

— Ты так меня разглядываешь, — заметил он на красном свете светофора, прищулив взгляд. Какие же у него длинные ресницы.

— А ты меня — нет, — парировала она, делая притворно-обиженное лицо, защищаясь. Он поймал ее прямо на месте преступления.

— Не хотел смущать, — его глаза скользнули по ней сверху вниз и обратно, на долю секунды задерживаясь на кулоне. Хитрая улыбка тронула уголки губ.

Агата покраснела щеками, ушами и шеей, и резко уставилась на светофор.

«Это же просто взгляд. Почему мне так жарко?» — она задержала дыхание, чтобы организм подумал, что она умирает и отвлекся от жгучего волнения.

Машина остановилась на парковке. Дмитрий обошел её и галантно открыл дверь, подавая девушке руку. Провёл в ресторан, позволил выбрать место.

— Не стесняйся, заказывай, что хочешь, — сказал он, раскрывая меню.

Он знал его наизусть, оно нужно было ему лишь для того, чтобы украдкой смотреть на девушку, пока она выбирает блюдо.

— Так значит, ты будущий филолог? — спросил он, когда заказ был сделан. Его взгляд вновь остановился на её кулоне.

Она начала вертеть камень между пальцев — это её успокаивало. Привычка ещё с раннего детства.

— Да, меня всегда интересовала культура и фольклор, и их влияние на формирование языка.

— Какой интересный выбор. А кем можно работать после выпуска? — спросил он, облокотив голову на ладонь.

— На самом деле это образование открывает двери во множество сфер: от музеев, до науки, в образование или ли-

тературную деятельность. Любое место внутри страны, связанное с культурой.

— Уже знаешь, в какую конкретно сферу хочешь?

— Фольклор, — ответила она, ни секунды не раздумывая.
— Все что связано с мифами и тем, как они влияли на формирование нашей культурной идентичности, — она рассказывала с запалом, как маленький ребенок, увлекшийся космосом или динозаврами. От ярких эмоций её глаза и кулон едва заметно вспыхнули.

— Вау, — изумился Дмитрий. — Отрадно видеть, что молодое поколение так интересуется прошлым.

— «Молодое поколение»? У нас не такая большая разница в возрасте, — возмущается девушка.

— Да, ты права, — он вновь опускает взгляд на её кулон.
— Уже узнавала историю кулона?

— Что? — она тут же сжала камень в ладони, будто защищая.

— Извини, профдеформация, — он смеётся чуть хрипло, раскрывая ладони. — Я в последнее время занимаюсь оценкой антикварных вещей. Сразу заметил, что твое украшение не новодел.

— Это подарок от прабабушки, — ответила она, разжимая пальцы и отпуская кулон.

— Надумаешь продать, обращайся, смогу выбить за него приличную сумму.

— Спасибо за предложение, но я слишком дорожу им,

чтобы продавать.

— Я тебя понял, — он мягко улыбнулся, возвращая взгляд к её лицу.

Еду принесли быстро. Она жевала осторожно, прикрывая рот ладонью, чувствуя сковывающую неловкость. Нет ничего хуже, чем измазаться на первом свидании.

— Не стесняйся, — просит он, заметив мучения девушки. — Я не стану смотреть.

Дальше был чай. Горячий, сладкий. Агата пряталась за кружкой каждый раз, когда их взгляды пересекались. В животе порхали бабочки. Разговор шел так легко и непринужденно, будто они уже много лет знакомы.

Иногда их пальцы почти соприкасались, когда они одновременно тянулись к сахарнице или чайнику, и от этих случайных касаний по коже пробегала короткая электрическая дрожь. Агата ловила себя на том, что начинает запоминать детали: как он чуть щурится, когда улыбается, как медленно проводит большим пальцем по краю чашки, пока слушает, как слегка хрипнет его голос, когда он смеётся.

Эти мелочи почему-то казались важнее самих слов.

Вот только она ощущает что-то ещё — отголоски тепла, силы, растекающейся от его кожи. Что-то родное, знакомое, но при этом далекое, не изученное. Что-то, к чему непременно хочется прикоснуться. Ведьму внутри неё тянет к нему, будто магнитом. Это не симпатия — это что-то другое. Более важное. Более сильное.

— Подвести тебя до дома? — уточнил он через пару часов, когда солнечные лучи мягко скользнули по асфальту, прячась за горизонт.

— Не стоит, я сама доберусь, — ответила она мягко, стараясь не обидеть.

— Такси вызвать?

— Я сама.

— Хотя бы до машины проводить позволишь? — настаивает он, неловко улыбаясь.

— Позволю.

Агата вызвала машину. Они вышли на улицу. Дмитрий накинул ей на плечи свой пиджак.

— Не прощу себе, если ты заболеешь.

Она вдохнула аромат духов — терпкий, мужской — и почувствовала, как его рука легко коснулась её ладони. Агата позволила переплести пальцы, но отвернулась, будто заметила что-то интересное на другой стороне дороги.

Дмитрий посадил её в такси и только после сел в свой автомобиль. Уже в машине Агата поняла, что забрала его пиджак. Она прижала ткань к себе и вдруг поняла, что совсем не спешит сообщать о пропаже.

Дом встретил её тишиной. И впервые эта тишина была не блаженной, а скорее пустой. Кот в этот раз даже не удосужился вставать с кровати: потянулся и перевернулся на спинку, приветственно мяукая.

Агата сняла туфли и подошла к нему, опускаясь на колени

перед кроватью. Рука погрузилась в теплую шерсть на животе.

— Не хочу сглазить, но кажется, что я нашла, — прошептала она, наглаживая мягкий жирочек.

Она медленно поднялась и повесила его пиджак на спинку стула рядом с кроватью, но уже через минуту снова сняла и прижала к себе. Ткань всё ещё хранила его тепло и терпкий запах духов, от которого внутри сладко сводило живот.

Она поспешила написать обещанное сообщение, о том, что добралась.

...

Дмитрий ехал по полупустой вечерней дороге, где редкие машины скользили по мокрому после недавнего дождя асфальту, размазывая в лужах огни витрин и светофоров. Город постепенно успокаивался: офисные окна гасли одно за другим, в кофейнях за стеклом ещё сидели последние посетители, а неоновые вывески окрашивали улицы в мягкие синие-красные отблески.

Музыка тихо лилась из колонок, пальцы сами отбивали ритм по рулю, и впервые за долгое время Дмитрий чувствовал сладкое послевкусие от встречи.

Красный агат на шее девушки с таким же именем интересовал его куда больше, чем его обладательница. Всю их встречу камень так и манил его взгляд к себе.

Мужчина поднял глаза чтобы проверить дорогу через зеркало заднего вида и свернуть направо. Он едва заметно

вздрыгнул, заметив, как за его спиной медленно собирался густой чёрный туман. Не отражение улицы, не тень от фонарей — живая вязкая тьма, слишком плотная для обычной ночи.

По позвоночнику пробежал ледяной импульс. Пальцы на руле непроизвольно сжались сильнее, так что кожа побелела на костяшках. Взгляд вернулся на дорогу, поворотник запищал. Руль повернулся вправо.

— **Игнорируешь?** — спрашивает голос в его голове, перемещаясь на сидения рядом, туда, где пару часов назад сидела Агата.

— Ждал, когда ты начнёшь диалог, — ответил Дмитрий вслух.

— **Занимательный камушек, не правда ли?** — хитрым тоном спросила сущность.

— Красивый. Думаешь она ведьма?

— **Знаю, — тьма тянула гласные бархатным баритоном. — Этот камень будто сам просится в руки. Ты ведь тоже это почувствовал?**

— Да, — согласился Дмитрий, паркуя машину.

Он вышел из машины, захлопнул дверь и заблокировал ее, машина мигнула оранжевым во тьме ночи. Квартира встретила его тишиной, слишком правильная и слишком чистая. Ни случайно брошенной вещи, ни чашки в раковине, ни чужого запаха — всё на своих местах, будто здесь не жили, а просто ночевали между рабочими днями. Он разулся и за-

хотел снять пиджак, и только тут понял, что пиджак остался у неё. От этой мысли внутри неожиданно стало теплее.

Мужчина не стал включать общий свет на кухне, подсветки над столешницей вполне хватало, достал стакан из верхнего ящика и набрал воды из фильтра. Он сделал глоток, вспоминая, как девушка улыбалась во время разговора, и машинально улыбнулся в ответ.

— **Ты поплыл**, — заметил голос.

— Банальная симпатия, — отмахнулся Дмитрий.

Он опустил стакан на стол и достал телефон. На разблокированном экране первым делом высветилась ее анкета на сайте знакомств. Дмитрий прошелся взглядом по ее лицу, пузику кота и уставился на шею. Пальцы приблизили фотографию — красный агат. Она говорила, что фото старое. Значит он на ней всегда. Не снимает.

Сверху пришло оповещение:

Я дома

Хорошо

Спасибо за вечер

Дмитрий заблокировал телефон и поднял взгляд на ступок тьмы, приземлившийся на стул за его барной стойкой.

— Ты что-то хотел?

Демон посмотрел ему прямо в глаза, подкидывая обрывки воспоминаний: он сидит за партой, кровь тёплой каплей скатилась по губе на деревянную столешницу. В висках болезненно стучало, пальцы дрожали. Он снова перенапряг-

ся, пытаясь осилить заклинание, которое легко получалось у остальных.

— Смотрите, у него опять кровь пошла! — раздался знакомый веселый голос.

Он тогда впервые по-настоящему почувствовал это жгучее унижение — не от боли, а от осознания, что значительно отстаёт.

Дмитрий зажмурился и потряс головой, сбрасывая воспоминание.

— Зачем? — спросил он у демона.

— **Чтобы ты не сбивался с курса.**

— Я не сбиваюсь. Мне нужно втереться ей в доверие, чтобы забрать кулон.

— **Главное сам не попади в свою же ловушку,** — предупредила тьма, рассеиваясь.

Комнату заполнила оглушающая давящая тишина. Дмитрий ещё долго стоял в полутьме кухни, глядя на собственное отражение в чёрном окне. На стекле за его спиной никого не было.

Это всего лишь кулон. И всего лишь девушка. Одно свидание ничего не значит. Он просто заберёт камень. Быстро. Без лишних эмоций.

Он повторил это ещё раз, словно убеждал не разум, а что-то внутри, что уже начинало спорить.

Но перед глазами почему-то всплыло не украшение, а её смущённая улыбка над чашкой чая.

Дмитрий раздражённо выключил подсветку на кухне.
Это действительно всего лишь одно свидание.

Глава 3 Свидание

В будние дни у них не было возможности встретиться. У него — работа. У неё — учеба. Но всю эту неделю первое что видит Агата на экране телефона после пробуждения, сообщение: "Доброе утро". От него на душе сразу становится тепло.

Обычно никто не пишет ей с утра. Только Аня изредка предупреждает, что опоздает на первую пару или не придет вовсе. Единственный, кто стабильно проверяет, жива ли она по утрам, это Сопелька. И то, чисто из своих корыстных целей.

Она помнит их первое свидание во всех подробностях, до мельчайших деталей и, как ни старается, не может избавиться от ощущения, что она хочет встретиться с ним снова. Как можно скорее. Словно он наркотик, а она подседа, как только попробовала.

Запах его духов давно выветрился из ворота пиджака — слишком часто она прижимала его к лицу, вдыхая не просто запах, а воспоминания. Правда коту он совершенно не понравится. Одним вечером Агата наткнулась на своего кота, напавшего на чужой предмет гардероба: он вцепился в него зубами, обхватил передними лапами и драл задними, будто это непосильная добыча, которую нужно убить всеми доступными способами.

Благо девушка успела прогнать кота до того, как на дорожкой ткани стались дырки. Но ей все равно пришлось подправить некоторые выступившие нитки. В ту секунду, когда она куснулась ткани с помощью магии, от пиджака повеяло дымом. Не дымом сигарет, а потухшим костром. Агата испугалась, решив, что подпалила нитки, но никаких следов не нашла.

— Ну я с Сопелькой полностью солидарна, — ответила на этот рассказ Аня. — Спасибо, — отвлеклась она на официанта, поставившего им на стол кофе.

— Чем он тебе так не понравился? — не унимается Агата, притягивая к себе кружку и вскрывая пакетик с сахаром.

— Не знаю, Гат. Просто предчувствие нехорошее с момента, как он появился. Я понимаю, что он не сделал ничего плохого, но...

— Но? — ведьма настояла на продолжении, размешивая сахар длинной ложкой.

— Что-то с ним не так. Мне кажется, он что-то тебе не договаривает. Просто будь осторожна, а то потом окажется, что у него жена и двое детей.

— Не дай боже, — отмахивается Агата, делая первый глоток.

Агата отвлеклась на телефон. На губах тут же расплылась улыбка.

— Он? — уточнила Аня, зная, что именно Дмитрий вызывает такую реакцию у её подруги.

— Да, на свидание зовёт, — ответила Агата, что-то печатая.

— И ты пойдешь? — в голосе Ани было раздражение, которое она очень плохо скрывала.

— Почему нет? То, что тебе и коту он не нравится ничего не значит.

Аня обиженно поджала губы, но спорить не стала. Не хватало ещё из-за какого мужика ссориться.

...

Набережная — это не просто достопримечательность. В тёплые дни здесь собираются десятки незнакомцев, у каждого своя история, которой никто никогда не узнает. Они проходят мимо, не встречаясь взглядами, не замечая, как чужие жизни текут параллельно их собственным.

Молодые пары с колясками и плачущими в них младенцами жалеют, что вообще пришли в столь шумное место. Беременные девушки прогуливаются медленным шагом, положив руки на животы. Дети на самокатах и велосипедах проносятся мимо, не держась за руль, с визгом и смехом, заставляя взрослых шарахаться в стороны.

Уличный музыкант пристроился у парапета с потертым футляром для скрипки, в надежде любую на копейку. Он играет что-то тягучее, грустное, но эта мелодия не вяжется с солнечным днём. Небольшая группа слушателей собралась вокруг — кто-то застыл, задумавшись, кто-то роняет мелочь в футляр, кто-то просто ждёт автобус и коротает время.

Собака сняла ошейник и убегает от своей хозяйки — играя в догонялки с глупой счастливой мордой и языком набок. Иногда останавливается, оборачивается, чтобы убедиться, что хозяйка не потерялась, и снова срывается с места.

Жизнь бьет ключом. Здесь, на набережной, всегда так. Даже в будни. И тем более ближе к вечеру. Каждый хочет выпить у жизни глоток свободы.

Маленькие лодочки разрезают водную гладь, оставляя за собой стройные ряды волн. Они расходятся в стороны, сталкиваются, разбиваются друг о друга, и через минуту от них не остаётся и следа. Солнечный свет отражается золотом на гребешках. Блики бьют в глаза прохожим, и люди щурятся, прикрываются ладонями, ругаются — кто в мыслях, кто вслух.

Каблуки Агаты отстукивают звук шагов по каменной брусчатке. Она давно не носила туфли на таком подъёме, и ноги уже начинают неприятно ныть, но она старается не обращать внимания. Не хватало ещё хромать при нём.

Рыжие волосы светятся ярким ореолом вокруг её лица. Солнце выхватывает отдельные пряди, делает их почти золотыми на кончиках, и ветер то и дело бросает их на лицо, щекоча щёки, попадая в глаза и прилипая к губам. Она уже пожалела, что не взяла резинку, но поправлять причёску на ходу — показывать, что она волнуется. А она волнуется. Сильнее чем хотелось бы.

— Привет, я взял нам кофе, — произносит Дмитрий, про-

тягивая ей стаканчик.

Голос у него низкий, спокойный, будто они встречаются каждую неделю уже лет пять, а не второй раз в жизни. Она забирает кофе — бумажный стаканчик тёплый, почти горячий, и тепло сразу расходится по пальцам.

— Привет, спасибо, ты прямо предугадал моё желание, — отвечает она.

Их пальцы соприкасаются. По коже пробегает разряд. Короткий, острый, как укол булавкой. Она чувствует, как волосы на затылке поднимаются от этого касания.

— Опережающий сервис, — Дмитрий подмигивает и смущённо улыбается, а потом убирает руку — медленно, поглаживающим движением, будто не хочет отпускать, но заставляет себя.

Агата отпивает кофе. Горький, с молоком, чуть сладковатый — именно такой, как она любит. И внутри разливается не только тепло от напитка, но и что-то ещё. Приятное. Волнующее.

— У нас есть какой-то план, или мы просто гуляем? — она оборачивается на детский смех — звонкий, залиvistый, какой бывает только у тех, кто ещё не знает, что жизнь умеет делать больно, — и тут же возвращает взгляд на мужчину.

— Не люблю строить планы, когда дело касается романтики, — в голосе его проскальзывает странная нотка.

Что-то неуловимое. Будто он сказал не то, что думал. Или сказал правду, которую не планировал говорить. Но Агата не

придаёт этому значения. Она слишком увлечена своей симпатией, чтобы разбирать чужие интонации на составляющие.

Они двинулись вдоль набережной — неспешно, без цели и без маршрута. Просто рядом. Плечо к плечу, иногда чуть ближе, иногда чуть дальше, когда кто-то из прохожих заставлял их расступиться или обойти коляску, загородившую полдороги.

Агата держала стаканчик обеими руками, хотя кофе внутри уже почти не осталось — так было удобнее. Потому, что не знала, куда деть руки, если не занимать их чем-то.

Дмитрий шёл слева, со стороны реки, и она то и дело ловила себя на том, что смотрит не под ноги, а на его профиль. На то, как солнце подсвечивает изгиб носа. Как ветер шевелит волосы на макушке. Как он щурится, когда смотрит вдаль, будто высматривает что-то.

Он молчал — и молчание это было не тяжёлым, не тем, которое хочется разбить любой глупой фразой. Оно было уютным. Таким, когда не нужно ничего говорить, потому что всё уже понятно без слов.

Агата допила кофе. В стаканчике осталась тёплая горькая капля, которую она втянула с последним глотком, чувствуя, как язык покалывает от кофеина. Вкус уже не был приятным — просто фоном.

Ближайшая урна оказалась метрах в десяти. Дмитрий заметил, что она за озиралась, и кивнул в её сторону:

— Давай, я выброшу.

— Спасибо, — Агата благодарно кивнула.

Дмитрий избавился от мусора, давая девушке небольшую передышку. Голова слегка гудела от волнения, и эта минутка была очень кстати.

Они прошли ещё немного. Людей становилось меньше — кто-то сворачивал к остановкам, кто-то уходил в сторону парка, кто-то просто разворачивался и шёл обратно. Смех стихал, голоса становились тише, будто город готовился к ночи.

Солнце медленно пряталось за горизонтом. Край неба над водой стал оранжевым, потом розовым, потом лиловым — с каждым шагом темнее, насыщеннее, будто кто-то подливал чернила в воду. А сама река превратилась в жидкое золото — тяжёлое, густое, почти осязаемое. Агата смотрела на отражения, и у неё перехватывало дыхание от того, как это красиво.

Дмитрий кивнул в сторону причала, где на двухъярусный паром взбирались последние пассажиры — кто с рюкзаками, кто с детьми, кто с велосипедом, который пришлось сдавать в багаж. Паром покачивался на воде.

— Не хочешь покататься? — спросил он.

Агата посмотрела на судно. Сверху уже горели огни, слышалась музыка — что-то современное, с басами, не её. Внутри теплилось любопытство: она ни разу не каталась по реке вечером. Но следом пришло другое — привычное, липкое чувство вины за чужие деньги.

— Нет, но спасибо за предложение.

Она сказала это слишком быстро. Дмитрий, кажется, заметил, но ничего не спросил. Просто кивнул, решив не настаивать, и пошёл дальше.

Агата смотрела, как лодка медленно отплывает от берега, как огни на её палубе становятся меньше, как музыка затихает, заглушаемая ветром. И думала о том, что, возможно, зря отказалась. Что он бы не предлагал, если бы не мог себе этого позволить. Что она ведёт себя глупо.

Но внутри уже всё сжалось в привычный узел — не проси, не бери, не будь обузой.

Она выдохнула и догнала его.

Фонари зажглись жёлтым светом — сначала один, потом два потом цепочка вдоль всей набережной. Они горели мягко, приглушённо. Как большие светлячки, застывшие на высоких стеблях.

Вдалеке на судне всё ещё играла музыка — теперь уже неразборчиво, одни басы да редкие всплески мелодии, которую ветер доносил обрывками. Иногда громче, иногда тише. Иногда пропадал вовсе, и тогда слышны были только шаги — их шаги — и редкий шум машин с ближайшей дороги.

Агата остановилась у парапета. Облокотилась на прохладный камень, чувствуя, как он давит в рёбра, если слишком сильно налечь, и чуть отодвинулась, чтобы было удобнее.

Дмитрий встал справа — совсем немного вторгаясь в личное пространство, но без давления. Он не касался. Просто

стоял рядом. И этого было достаточно, чтобы сердце заби-лось чаще.

Ветер с реки был прохладным, влажным, пахло водой и рыбой и ещё чем-то неуловимым — то ли водорослями, то ли бензином от катеров. Агата поёжилась.

Ноги болели. Она чувствовала знакомое жжение на самом узком участке щиколотки, которое предвещало мозоль. Но сейчас ей было всё равно. Сейчас она вообще ничего не чувствовала, кроме того, что происходило внутри.

Она подняла голову и повернулась к нему. И время будто замерло.

Не остановилось — нет, оно продолжало течь где-то на периферии: слышалось, как где-то далеко играет музыка, как плещется вода о каменный берег, как ветер гонит по брусчатке опавшую листву. Но всё это стало неважным. Фоновым. Тем, что происходит с другими людьми, в другой жизни, не с ней.

С ней происходило сейчас только одно: она смотрела на его губы.

Они были обычными. Ничего такого, от чего обычно захватывает дух. Но Агата не могла оторвать взгляда. Смотрела на линию верхней губы, на то, как свет фонарей ложится на нижнюю, на едва заметную тень от щетины на подбородке.

И внутри неё, где-то глубоко в груди, пульсировало острое, почти болезненное желание, чтобы он наклонился. Не чтобы она сама сделала шаг — чтобы он. Потому что, ес-

ли она полезет первой, он поймёт, как сильно она хочет. А если он поймёт — она станет уязвимой. Слишком уязвимой.

«Наклонись», — мысленно попросила она. — «Пожалуйста. Просто наклонись.»

Она не знала, сработает ли это. Не знала, умеет ли он слышать чужие мысли, чувствовать чужие желания. Но просила. Упрямо, отчаянно, всем нутром.

«Я не дотянусь. А ты можешь. Просто сделай это.»

Пальцы, которыми она опиралась на парапет, похолодели от напряжения. Не от холода — ветер был тёплым, почти ласковым. От волнения. От того предчувствия, которое сжимало горло и не давало дышать.

На коже выступил пот — там, где платье прилегало к спине, где ладони лежали на холодном камне. Липкий, неприятный, от которого хотелось отстраниться и вытереть кожу о ткань, но она не могла шевелиться.

Дмитрий сделал шаг ближе.

Она услышала шорох его рубашки — ткань чуть скрипнула при движении. Почувствовала, как воздух между ними стал плотнее, тяжелее, будто он сгущался.

Он стал наклоняться.

Она видела, как он делает это — медленно, будто давая ей время отстраниться, отвернуться, сказать «нет». Секунду. Две. Три.

Агата не отстранилась. Она зажмурилась. Так сильно, что под веками поплыли красные круги. Приоткрыла губы —

не специально, само получилось, потому что тело решило за неё, а она лишь позволила.

Это было напуганное согласие. Такое, когда ты говоришь «да» не потому, что уверена, а потому, что боишься упустить что-то важное.

И Дмитрий это понял. Потому что он не впился в неё, не набросился, не сделал того, от чего потом захотелось бы бежать. Он остановился в миллиметре — она даже не видела этого, но почувствовала. Его дыхание на своих губах.

Он замер. Он ждал. Давал время передумать и отстраниться.

Агата не передумала. Она приподнялась на цыпочки — каблук оторвался от брусчатки, ноги заболели ещё сильнее, вес тела сместился вперёд.

И тогда он прижался.

Первое, что она почувствовала, — жар. Не тот, который бывает от батареи или от горячей кружки. Другой. Глубокий. Такой, который заходит под кожу, растекается по щекам, спускается к шее, проваливается в грудь и останавливается где-то под рёбрами, чтобы через секунду вспыхнуть с новой силой.

Губы у него были мягкими. И твёрдыми одновременно. Он целовал осторожно — не углубляясь, не настаивая, просто касаясь, пробуя, спрашивая.

А потом поцелуй стал глубже, его губы сместились, смяли ее собственные.

И в этот момент из пальцев Агаты сорвалась магия.

Она почувствовала это сразу — как ток, который бежит от локтя к запястью, от запястья к кончикам пальцев, а потом вырывается наружу. Не контролируемый. Не направляемый. Как стихия, неподвластная человеку.

По коже пробежали мурашки — не от холода, от разряда. Воздух вокруг стал плотным, тяжёлым, пахнущим озоном и чем-то сладким.

Фонари вокруг замигали.

Моргнули и погасли на секунду. Загорелся ярче, потом тусклее, потом снова ярче, будто кто-то крутил регулятор. Секунда. Две. И по набережной раздался звук лопающегося стекла. Фонари один за другим стали разбиваться, рассыпаясь множеством осколков, оставляя улицу во тьме.

Агата резко разорвала поцелуй — отшатнулась, ударилась спиной о парапет, больно, но не обратила внимания. Сердце колотилось где-то в горле. Ладони горели. Кулон стал горячим — почти обжигал кожу на груди.

«Не сейчас», — мысленно приказала она себе, чувствуя, как магия пульсирует в пальцах, готовая разнести ещё пару фонарей. — «Не смей».

«Сейчас он уйдёт. Бросит её одну. Как все, кто когда-либо появлялся в её жизни.»

Агата сжала кулаки, пытаясь унять магию, но та не слушалась. Трепыхалась, билась в пальцах, как пойманная птица, и от этого становилось только хуже.

А потом она почувствовала его.

Не только руку на своей ладони. Что-то ещё. Тёплое, обволакивающее, как вода в ванной.

Его магия.

Она вошла в неё через касание — сквозь кожу. Проникла под рёбра, добралась до того места, где бушевал её собственный огонь, и мягко, почти невесомо накрыла его.

Не погасила. Не подавила. Просто — придержала. Как ладонь, которую кладут на плечо, когда человек слишком разошёлся.

Это было непривычно. Чужое присутствие внутри, чужой отпечаток на её магии, чужое спокойствие, которое вливалось в неё, вытесняя панику.

Рука Дмитрия лежала поверх её сжатых пальцев, и он медленно, размеренно гладил её костяшки большим пальцем.

— Тихо, — сказал он. Голос низкий, спокойный. — Всё хорошо.

Оставшиеся фонари перестали мигать.

Сначала один — загорелся ровно. Потом второй. Потом третий.

И стало тихо.

Агата стояла, не дыша. Боялась пошевелиться — вдруг это сон, вдруг он исчезнет, вдруг она просто окончательно сошла с ума.

Но магия внутри успокаивалась. Его отпечаток всё ещё был там, под рёбрами. Она настороженно приоткрыла глаза.

Ожидала увидеть страх. Отвращение. Брезгливость. То, что она видела в детстве — в глазах матери, в глазах отца.

Она ждала ненависти.

В глазах Дмитрия было волнение.

Он смотрел на неё, и в его взгляде читалась тревога — не от того, что она странная или опасная. А от того, как она на это отреагирует.

И ещё кое-что.

Понимание.

Будто он... тоже.

Будто он знает, что это такое — когда тело не слушается. Когда магия вырывается наружу, а ты не можешь её остановить. Когда ты сжимаешь кулаки, а из пальцев всё равно сыпятся искры, и фонари мигают, и люди шарахаются, и ты чувствуешь себя монстром.

И тут её осенило.

— Ты маг?! — спросила она шёпотом. Кричащим шёпотом, от которого сорвались головные связки.

Дмитрий не отвёл взгляд.

— Да, — сказал он.

Агата почувствовала, как внутри что-то разжалось. Тот узел, который она затягивала годами, — страх, стыд, вина, одиночество — вдруг ослаб.

— Вау, — выдохнула она. — Я ни разу не видела других... таких же, как я.

Она смотрела на него совершенно другими глазами. В них

отражалась детская радость — чистая, незамутнённая, беззащитная. Такая, когда ты не думаешь, что надо держать лицо, не боишься показаться глупой, не прячешь улыбку.

Дмитрий опешил. Она видела это — как на секунду его лицо потеряло выражение, как он замер, будто его ударили, но быстро взял себя в руки.

— А ты хорошо колдуешь? — выпалила она. — Кто тебя учил? А у магов есть школы?

Слова посыпались, как горох. Она почти не делала вдохов между вопросами.

— Подожди, не всё сразу, — попросил Дмитрий. Мягко улыбнулся. — Не забывай дышать.

И Агата поняла, что действительно не дышит. Грудная клетка сжалась, в лёгких не осталось воздуха, голова чуть кружилась — от волнения и от кислородного голодания.

Она сделала глубокий вдох. Потом медленный выдох.

— Извини, — сказала она тише. — Я просто переволновалась. Сразу два таких классных события.

Она улыбнулась — широко, искренне, до боли в скулах.

Дмитрий улыбнулся в ответ. Будто её радость была заразной.

— Так как проходит обучение? — не унималась она.

— Мы обучаемся в академиях, — сказал Дмитрий. — Это как у вас колледж. Сначала учишься до девятого в обычной человеческой школе, параллельно готовясь к поступлению с наставником или родителями. А вместо старшей школы

идёшь в магическую академию.

Агата задумалась. С новой информацией кое-что не сходилось.

— Выходит, ты обманул меня, когда рассказывал о своей профессии?

— Не совсем, — он пожал плечами. — Я просто умолчал, что занимаюсь не просто антиквариатом, а магическими реликвиями. Но было бы странно рассказывать подобное человеку на первом свидании.

Он сказал это так просто, будто это было очевидно. Агата смотрела на него и чувствовала, как её радость становится только сильнее.

Ей хотелось прыгать. Кричать. Бежать по этой набережной и рассказывать всем встречным, что она не сумасшедшая, не опасная, не монстр — просто другая. И таких, как она, много.

Вместо этого она просто стояла и улыбалась. Светилась изнутри так, что, наверное, было видно даже издалека.

И Дмитрий смотрел на это свечение и понимал, что совершает глупость.

Он знал, что голос в голове скажет ему, что он идиот. Что нельзя так поддаваться. Что у него задача, а не свидание.

Но слова вырвались раньше, чем он успел хорошенько всё обдумать.

— Хочешь, я научу тебя чему-нибудь?

Агата просияла. Не просто улыбнулась — вспыхнула ра-

достью. Вся. От макушки до пят. Будто внутри зажгли лампу, которую она держала выключенной много лет.

— Конечно! — выдохнула она. — Конечно хочу.

И Дмитрий понял, что пропал.

Глава 4 Осколки

Целый день и до самого вечера Агата металась по квартире. Полы блестели — ещё бы, она помыла их дважды, сначала на коленях с тряпкой, потом шваброй, потому что первый раз показалось недостаточно. Диван был застелен новым пледом — тёмно-синим, с мягким ворсом, на котором уже отпечаталась шерсть. А на кухне пахло свежей выпечкой, хотя духовка была выключена уже час. Слава магазинам за существование слоёного теста — без него точно ничего бы не получилось.

Кот сидел на подоконнике и с презрительным видом наблюдал за этим сумасшедшим марафоном. Он провожал Агату взглядом каждый раз, когда она пробегала мимо, и в его жёлтых глазах читалось что-то среднее между осуждением и глубочайшим разочарованием. Сопелька явно считал её предательницей. Бросила его одного, завела какого-то мужика — и теперь весь дом на ушах, а его любимое место на диване занято новым пледом, от которого пахнет чем-то чужим.

— Да ладно тебе, ты всё равно останешься главным мужчиной в моей жизни, — пошутила девушка, заглядывая в зеркало и поправляя волосы.

Кот отвернулся с задранным хвостом так демонстративно, что ответа и не требовалось. Агата даже не сомневалась, что

он обиделся всерьёз и теперь будет игнорировать её как минимум до завтра. Или до тех пор, пока она не откроет пачку корма.

Звонок в дверь заставил её сердце испуганно подпрыгнуть — так, что на секунду перехватило дыхание. Она почти споткнулась о собственные ноги, когда бежала в прихожую.

На пороге стоял Дмитрий. Красивый... будто с обложки журнала, но при этом живой — с лёгкой тенью щетины и чуть влажными от вечернего воздуха волосами. В руках букет. Не банальные розы, а пышные нежные гортензии, собранные в мягкое облако — оттенка, который колебался между лавандовым и небесно-голубым. Вокруг них вились веточки эвкалипта, и их запах добрался до неё прежде, чем она успела сделать шаг навстречу.

— Для хозяйки вечера, — сказал он, протягивая ей цветы.

Агата взяла букет, и внутри неё что-то дрогнуло. Она почувствовала, как руки чуть трясутся — от волнения, от этого запаха, от того, как он произнёс эти слова. «Хозяйка вечера».

Она вдохнула запах гортензий и улыбнулась.

— Спасибо, проходи.

Он шагнул через порог, и на секунду ей показалось, что воздух в прихожей стал плотнее. Как будто вместе с ним в квартиру вошло что-то большое и тёплое, что тут же заняло всё свободное пространство и сделало его своим. Быть может его магия.

Она убрала цветы в вазу на почётное место прямо посре-

дине стола, и только тогда заметила, что Сопелька уже не сидит на подоконнике. Успел смыться в коридор и теперь наверх сидит за углом, наблюдая из укрытия.

— У тебя очень уютно, — сказал Дмитрий, осматриваясь. Взгляд его скользнул по пледу, по книжным полкам, по слишком чистой после готовки кухне. — И пахнет выпечкой.

— Слоёное тесто, — призналась Агата слишком быстро. — Я не умею печь с нуля.

— Я и не рассчитывал, — улыбнулся он. — Было бы странно ожидать подобного в современном мире.

На кухне они сели ужинать. Рулетики с ветчиной и сыром, которые она торопливо готовила, вдруг показались слишком простыми — её внутренний критик тут же нашёл тысячу поводов для стыда. Недостаточно хрустящие, чуть подгоревшие снизу, и сыр вытек на противень. Но Дмитрий ел с аппетитом и делал комплименты, помогая ей расслабиться.

Он рассказывал о работе, на этот раз о своей настоящей работе, она поддакивала и кивала, но на самом деле думала о другом. О том, как он сидит на её кухонном стуле, как его колени почти касаются её собственных под столом, как он держит вилку — будто он всегда здесь был, будто в этой квартире ему самое место. Будто он должен остаться.

Атмосфера постепенно становилась лёгкой, почти домашней. Агата поймала себя на том, что смотрит на него и глупо улыбается.

Всё было почти идеально.

Почти.

Потому что она всё ещё не знала, как он отреагирует, когда она перестанет притворяться нормальной. Когда покажет ему ту часть себя, которую родители научили прятать.

Агата отложила вилку и глубоко выдохнула. Металл звякнул о край тарелки, и звук этот показался слишком громким в тишине кухни.

— Дим, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Ты ведь обещал научить меня чему-нибудь.

Он поднял на неё взгляд — спокойный, чуть насмешливый, как будто ждал этих слов. Отпил чай, поставил кружку на стол и откинулся на спинку стула.

— Обещал, — кивнул он. В серых глазах отразилась игривая усмешка. — Но сначала давай приберёмся. Не хочу, чтобы твоя первая магическая практика закончилась тем, что мы будем искать вилку под холодильником.

Агата хмыкнула — скорее от облегчения, чем от шутки. Он не тянул, не отмазывался, не говорил «давай потом». Он просто взял и согласился, будто это было самое естественное дело в мире — магия.

Они быстро собрали тарелки, она сполоснула их в раковине и поставила сушиться. Дмитрий помог — взял салфетку и вытер стол, хотя она собиралась сделать это сама. Его рука скользнула по деревянной поверхности, смахивая крошки.

— Готова? — спросил он, когда они закончили.

Агата кивнула. Сердце снова забилось чаще, но теперь это

было другое волнение. Не страх, что он увидит что-то плохое. А предвкушение.

— Тогда покажи, что ты умеешь, — сказал он, отходя на шаг и складывая руки на груди. — Что-нибудь простое. То, что делаешь каждый день.

Она задумалась. Простое. То, что делает каждый день.

В голове замелькали картинки: утро, она на кухне, чайник запомнился водой, но руки заняты — она щёлкает пальцами, и кран закрывается сам. Она умывается и полотенце само подлетает к ней, чтобы не пришлось тянуться. Ложка мешает сахар в кружке, когда она стоит к столу спиной и читает сообщения в телефоне. Она даже не задумывается о том, как и что она делает — это естественно так же, как дышать. Пока не задумаешь об этом.

— Ну, — поторопил Дмитрий. — Что-то знакомое. То, что не требует концентрации.

— Посуда, — сказала Агата и улыбнулась, потому что это звучало глупо. — Я постоянно двигаю ложки. Или кружки.

— Отлично. Покажи.

Она оглянулась в поисках подходящего предмета. На столе осталась только её кружка — пустая, с остатками чайной заварки на дне. Она выдохнула и просто... подумала о том, чтобы она подвинулась.

Кружка дрогнула и быстро скользнула по столу вправо. На пару сантиметров, ровно столько, чтобы переместиться на соседнее место. Чуть качнулась. И если бы она была полной,

то точно расплескала бы содержимое.

Агата подняла взгляд на Дмитрия, ожидая реакции. Он смотрел на кружку, потом на неё, и в глазах его мелькнуло что-то — не удивление, скорее любопытство.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — А теперь попробуй сделать то же самое, но медленно.

— Медленно?

— Да. Чтобы я видел, как ты это делаешь. Не просто результат, а процесс.

Она снова посмотрела на кружку. Сделать быстро и привычно — легко. А медленно, вдумчиво, контролируя каждое движение, вдруг стало сложно. Она попыталась представить, как она движется, как её дно отрывается от поверхности стола, но вместо этого кружка просто дёрнулась, звякнула и замерла.

— Не получается, — сказала она, чувствуя, как щёки начинают гореть.

— А ты не торопись, — он сделал шаг ближе, встал за её спиной, шепча на ухо. От его горячего дыхания по затылку пробежали мурашки. — Просто почувствуй, как ты это делаешь. Ты ведь знаешь, как это работает. Ты делала это тысячи раз. Просто замедли процесс.

Агата закрыла глаза и представила, как магия течёт из груди в руку, как она касается кружки, как обволакивает её. Внутри разлилось знакомое тепло — приятное, текучее. Она открыла глаза и снова посмотрела на кружку.

Она медленно, почти неохотно, приподнялась над столом на пару миллиметров. Зависла в воздухе. И она почувствовала, как удерживает её — не просто двигает, а держит, чувствует каждое колебание.

— Отлично, — сказал Дмитрий тихо. — А теперь опусти.

Кружка мягко опустилась на стол, даже не звякнув.

— Хорошо, — повторил он. — Ты умеешь чувствовать магию. Это главное. Но то, что ты делаешь — это грубая сила. Ты берёшь и толкаешь предмет. А есть другой способ.

Он поднял руку, сделал легкое движение пальцами и кружка поплыла. Не дёрнулась, не скользнула — поплыла, как лист по воде, медленно и плавно. Кружка описала круг, зависла ровно по центру, а потом опустилась бесшумно, как пушинка.

— Нужно не толкать магию, — сказал он, убирая руку. — А договариваться с ней. Это не грубая сила. Это изменения в структуре материи.

Агата смотрела на кружку, которая только что плавно парила над столом, и внутри неё боролись два чувства. Восхищение — потому что она никогда не видела, чтобы кто-то так управлял магией. И лёгкая зависть — потому что у неё так не получалось. Никогда.

— Что ты имеешь в виду под «структурой материи»? — спросила она, надеясь, что выглядит не слишком глупо.

Дмитрий усмехнулся, но не насмешливо — скорее одобчительно, будто её вопрос был правильным.

— Магия — это не просто энергия. Это изменение параметров. Ты не толкаешь предмет — ты меняешь его положение в пространстве. Ты не кипятишь воду — ты ускоряешь движение молекул. Понимаешь разницу?

Агата нахмурилась. Не совсем понимала. Она всегда просто делала — чувствовала, что может, и делала. Без объяснений, без правил.

— Не совсем, — честно призналась она.

— Тогда..., — он задумался, подбирая что-то из базового курса магии, что будет не сложно сделать, но при этом поможет разобраться. — Вода, — осенило его. — Это две молекулы водорода, одна кислорода. Они двигаются постоянно, даже когда тебе кажется, что она стоит на месте. Магия может их замедлить — и вода замёрзнет. Может ускорить — и она закипит. А может просто... собрать их вместе. В любом месте.

По взгляду Агаты было видно, что она не совсем понимает, хотя и очень старается.

— Хочешь попробовать? — спросил он, и она кивнула, так резко, что передние пряди упали на лицо.

— Закрой глаза, — сказал он мягко, вставая у неё за спиной, кладя большие ладони на девичьи плечи. — И почувствуй влажность воздуха вокруг.

Она закрыла. Слышала своё дыхание, шелест его одежды, как он чуть переступил с ноги на ногу, прижимаясь к ней ближе. Агата сделала вдох и почувствовала воздух — он не

сухой — наполненный влагой.

— Отлично, — услышала она его бархатный шёпот, горячее дыхание коснулось кожи на виске. — Ты чувствуешь её. А теперь попробуй собрать её в одной точке.

Девушка зажмурилась ещё сильнее. И стала... звать. Не словами, а чувством. Как будто внутри неё открылся какой-то клапан, и магия потекла из груди в руку, из руки в воздух, срываясь с пальцев искрами.

Сначала ничего не происходило. Она почти разочаровалась, решив, что у неё не получается. А потом воздух вокруг начал меняться. Он стал мутнеть — будто туман собирался строго в одном месте.

Капли. Маленькие, прозрачные, они собирались из ниоткуда, как роса на утренней траве. Агата приоткрыла глаза, чтобы подглядеть. Она замерла, как замороженная, не веря своим глазам.

— Ты почти сделала это, — сказал Дмитрий тихо, заставляя её вздрагивать от шёпота над ухом. — Ещё немного. Собери их.

Она сосредоточилась сильнее, чувствуя, как магия в груди пульсирует, разогревается. Вызывая всплеск эйфории. Капли начали сливаться, стекаться друг к другу, и посреди кухни начала формироваться сфера. Неровная, с пульсирующими краями. Прозрачная, живая, чуть мерцающая в электрическом свете люстры.

У неё получилось.

Агата чувствовала, как по телу разливается жар — не от страха, от гордости. От того, что она сделала это. Она собрала воду из воздуха. Не просто сдвинула ложку — она создала что-то новое.

Она перевела взгляд на Дмитрия, чуть оборачиваясь. Его лицо... она не могла описать это словами. Глаза чуть прищурены, на губах — лёгкая, почти незаметная улыбка. Но самое важное было в его взгляде. Там не было снисходительности учителя, проверяющего ученицу. Там была гордость. Настоящая, тёплая, такая, от которой внутри всё переворачивается. Как будто он не просто наблюдал — он радовался за неё. Как будто её достижение было и его достижением тоже.

— Ты сделала это, — сказал он тихо, и голос его чуть дрогнул. — Агата, ты сделала это.

Она хотела улыбнуться в ответ, сказать что-то лёгкое, сбить напряжение. Но в ту же секунду что-то изменилось.

Воздух между ними стал плотным, тяжёлым, как перед грозой. Тёплое чувство гордости, которое только что наполнило её, вдруг накрыло чем-то холодным — не снаружи, а изнутри, как будто кто-то задул свечу в её груди. Какая-то чужая воля толкнула её магию в сторону, делая её слишком сильной, слишком быстрой. Грубой.

Она не видела его, но всем телом чувствовала, как кто-то чужой врывается в её дар, как чьи-то пальцы перехватывают управление, как в её магию вплетается что-то ледяное, неуправляемое.

Шар дрогнул. Стал пульсировать активнее, будто в нём билось живое сердце. А потом он стал меняться.

Вода внутри сферы замерзала. Остановилась. И вместо прозрачной, жидкой, подвижной субстанции Агата увидела лёд. Твёрдый. Колючий. С острыми краями, которые росли прямо на глазах.

— Дим, — выдохнула она, не узнавая свой голос. — Что-то не так.

Она попыталась остановить это, прекратить, отпустить магию, но она не слушалась. Она была не её. Она вырывалась из напряженных пальцев, как зверь, которого она не могла контролировать. Шар превратился в глыбу льда, и она начала расширяться, заполняя пространство округ. Пальцы светло холодом, дыхание перехватило — и в следующую секунду лёд взорвался.

Осколки разлетелись в стороны. Они ударили в стены, в мебель, в потолок. Один попал в вазу, сбивая её со стола — стекло разлетелось, вода разлилась по полу, а цветы рассыпались. Агата прикрыла лицо руками, но один из них пролетел мимо, зацепив край уха, и она почувствовала, как по коже течёт что-то тёплое. Дмитрий метнулся к ней. Не думая. Инстинктивно. Он накрыл её собой, защищая от летящих кусков, и в этот миг один из осколков, большой и острый, как бритва, чиркнул по его плечу, разрезая рукав рубашки и кожу.

И потом — звон.

Такой громкий, что заложило уши. Она подняла голову.

Зеркало в прихожей было разбито. Трещины разбегались от центра, где застрял ледяной осколок, и Агата видела своё лицо — искажённое, разделённое на части, будто она сама рассыпалась на куски.

Она смотрела на это зеркало и не могла дышать. Не от холода — от ужаса. От того, что она сделала это. Что она не контролировала себя. Что она снова стала той девочкой, которую боятся.

Она перевела взгляд на Дмитрия в отражении. Он стоял неподвижно, глядя на разбитое зеркало, вся ещё держа её в своих руках. В его глазах был страх. Только теперь она поняла, что это страх не за неё — это страх перед ней.

Он стоял неподвижно, глядя на разбитое зеркало, на осколки льда, тающие на полу, на её трясущиеся руки. В его глазах промелькнуло что-то тёмное — не ужас, нет. Что-то другое. Тяжёлое, жадное.

— Дим? — её голос сорвался, она слышала, как он ломается. — Прости, я не хотела, я не знаю, что это было, я...

Её взгляд упал ниже — прямо в отражении зеркала она увидела кровь, стекающую по чужой руке. Она ранила его.

Его лицо было бледным, губы плотно сжаты. Он смотрел не на неё, а на своё предплечье, откуда по белой манжете расползлось алое пятно. Кровь капала на пол, смешиваясь с тающим льдом.

— Нет, — прошептала она, вырываясь из его рук, осмат-

ривая рану. — Нет-нет-нет! — закричала она, осознавая, что натворила.

— Агата, — позвал её парень.

Она рванулась к нему, хватая его за руку, но он резко отдёргнул её.

— Не трогай, — бросил он резко.

В его голосе не было боли. Была сталь. И что-то ещё. Холод. Он посмотрел на неё. И в этот момент Агата увидела в его глазах то, чего боялась больше всего. Не жалость. Не любовь. Страх. Он смотрел на неё так, как смотрели родители. Как смотрели соседи. Как смотрит человек на бомбу, которая вот-вот взорвётся.

— Я... я не хотела, — залепетала она, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. — Прости, пожалуйста, прости...

Дмитрий глубоко вдохнул, сжимая раненую руку здоровой ладонью, чтобы остановить кровь. Его взгляд стал стеклянным, отстранённым.

— Всё в порядке, — сказал он. Слишком ровно. Слишком спокойно. — Всё в порядке, просто... не колдуй пока. Давай отдохнём.

Не колдуй.

Те же слова, которые она слышала в детстве. От матери. От отца. «Нельзя». «Не делай так». «Ты опасна».

Агата посмотрела на него и увидела, как он отводит взгляд. Смотрит мимо неё — на разбитое зеркало, на осколки льда, на собственную кровь в отражении. Везде, куда

угодно, только не в её глаза.

И она поняла.

Он боится её. Так же, как боялись они. Он говорит «всё в порядке», но он не смотрит на неё. Он смотрит на то, что она сделала. И в этом взгляде — страх.

Её мир рухнул. Снова. Она думала, что в этот раз всё по-другому. Что он другой. Что он видит её настоящую и не отворачивается.

Но он отворачивался.

И Агата стояла посреди кухни, прижимая руки к груди, и чувствовала, как магия внутри затихает — не потому, что она её успокоила, а потому что она снова закрылась. Заперла внутри ту часть, которую никто не хотел видеть.

Глава 5 Запретный плод

Дмитрий зашёл в ванную, щёлкнув выключателем на стене. Свет ударил в глаза, и он прищурился, привыкая. Дверь осталась открытой. Он подошёл к раковине, здоровой рукой стал расстёгивать пуговицы, чтобы стянуть рубашку. Ткань прилипла к ране, и он поморщился, отлепляя её от тела. Кинул рубашку в ванную, включил холодную воду и наклонился, подставляя плечо под струю. Вода смывала кровь, и он смотрел, как она окрашивает белую эмаль в розовый. Агата проследовала за ним как тень. Она замерла на пороге, глядя, как широкая спина закрывает собой раковину, как мышцы напрягаются под кожей. Он чувствовал её встревоженный взгляд.

— Какое полотенце можно взять? — спросил он, не поворачиваясь. — И есть чем обработать?

Агата шагнула ближе, открыла шкафчик над раковиной. Достала пузырёк перекиси.

— У каждой девушки есть перекись, — сказала она, протягивая ему чистое полотенце.

Дмитрий взял полотенце, выключил воду и сел на край ванны. Он упирался здоровой рукой в бортик, разворачиваясь плечом к ней. Агата подошла ближе и увидела порез — глубокий, с неровными краями. Рана пульсировала, выпуская новые порции крови. Дмитрий закусил полотенце зуба-

ми и кивнул ей, одним взглядом прося помочь.

Агата смочила ватный диск перекисью и поднесла к ране. Жидкость зашипела, вступая в реакцию с кровью, и по краям пореза побежали белые пузырьки. Дмитрий глухо застонал сквозь ткань. Плечо его напряглось, пальцы сжались в кулак, но он не отодвинулся.

Она замерла на секунду, глядя на его лицо. Потом продолжила. Аккуратно дуя на края раны, надеясь хоть чуть-чуть облегчить его боль. Дмитрий стоически вытерпел эту пытку. Когда она закончила, он разжал челюсть, опустил полотенце и перевёл дыхание.

— Спасибо, — сказал он хрипло.

— Прости, — прошептала она надрывно. — Прости меня, я...

Слёзы хлынули сами собой. Она не вытирала их. Просто стояла перед ним, сжимая перекись, и плакала. Дмитрий отбросил полотенце в сторону, протянул к ней руку.

— Иди сюда.

Девушка шагнула, и он притянул её за талию, разводя колени шире, чтобы она могла встать между ними. Она оказалась вплотную, упёрлась ладонями в его грудь, но не отстранилась.

— Я такая дура, — выдохнула она. — Мне вообще не стоило колдовать...

Он взял её лицо здоровой рукой и провёл пальцем под нижней губой, припухшей от слез. Её дыхание, влажное и

сбитое, обжигает кожу.

— Тише, — сказал он. — Не нужно таких слов о себе. Ты не сделала ничего плохого.

— Ты не видел себя со стороны, — возразила Агата.

— Видел. В зеркале. Выглядит страшнее, чем есть на самом деле.

Она тихо всхлипнула, ткнулась лбом в его плечо. Дрожь постепенно отступала. Он сидел неподвижно, чувствуя, как её дыхание выравнивается, как она постепенно перестаёт всхлипывать.

— Знаешь, ещё ни одна девушка не протыкала мне руку.

Она подняла голову, нервно усмехаясь.

— Ты не злишься?

Дмитрий посмотрел на неё. На её мокрые ресницы, на размазанную тушь, на дрожащие губы. И наклонился, касаясь губами её лба.

— Не злюсь, — сказал он. — Помоги мне перевязать руку. Я не могу одной рукой.

Она отстранилась, открыла шкафчик, достала бинт и ножницы. подойдя обратно, она развернула его руку и начала туго перевязывать плечо.

Она закрепила повязку и провела пальцами по — легко, почти невесомо. Он сидел на краю ванны, полураздетый, и смотрел на неё снизу вверх. От этого взгляда у неё пересохло в горле.

— Спасибо, — сказал он хрипло.

— Всегда пожалуйста, обожаю исправлять свои же ошибки.

Она хотела убрать руку, но он поймал её за запястье. Не грубо, но крепко. Его пальцы были горячими, и этот жар мгновенно растёкся вверх.

— Ты дрожишь, — заметил он.

— Я замёрзла.

Это была ложь, но он не стал с ней спорить. Вместо этого Дмитрий потянул её на себя, и она опустилась к нему на колени, упираясь ладонями в его грудь. Кожа под пальцами была влажной и тёплой, и где-то под ней быстро-быстро билось сердце. Его колено оказалось между её бёдер, и она почувствовала жар его тела даже сквозь ткань шорт.

Он поднял руку и провёл костяшками по её щеке. Медленно. Почти невесомо. Спустился к шее, обвёл пальцем ямку между ключицами. Она не дышала.

— Ты хоть понимаешь, что это было? — спросил он, не глядя на неё. — Твоя магия не просто вышла из-под контроля. Она атаковала.

— Я не хотела...

— Я знаю. Но ты всё равно это сделала. Потому что внутри тебя есть сила, которую ты не контролируешь. — Он поднял глаза. — И когда ты рядом со мной, она становится только сильнее.

В его взгляде было что-то тёмное. Не страх. Не злость. Голод. Такой, от которого у неё самой перехватило дыхание.

— Ты опасна, Агата, — произнёс он медленно. — И мне это нравится. Очень.

Она не успела ответить. Он поцеловал её — жёстко, голодно, сминая губы, будто хотел выпить её всю без остатка. Она почувствовала вкус собственных слёз на его языке и не отстранилась. Наоборот — подалась вперёд, вцепилась пальцами в его плечи, чувствуя, как под ладонями напрягаются мышцы.

Он притянул её ближе, пересаживая на бедро, и она ощутила, насколько он возбуждён. Твёрдый, горячий, прижатый к ней. От этого внутри всё закрутилось в тугий узел. Она застонала ему в рот, и он ответил низким рычанием, от которого по позвоночнику побежали мурашки.

Его ладонь скользнула под футболку, прошла по спине, по рёбрам, остановилась у края лифчика. Он не торопился. Он целовал её — глубоко, жадно, будто не мог насытиться. Она чувствовала, как его пальцы впиваются в её кожу, как он прижимает её всё теснее, как его бёдра слегка двигаются под ней.

Она сама потянулась к нему, запустила пальцы в его волосы, сжала их на затылке. Ей хотелось больше. Гораздо больше. Она прижалась к нему всем телом, и он застонал — низко, сдавленно, будто её близость причиняла ему боль.

Он оторвался от её губ и провёл языком по шее, спустился к ключице. Она выгнулась, подставляя ему горло, и её дыхание стало рваным. Он целовал её кожу, прикусывал, остав-

лял влажные дорожки, и от каждого прикосновения внутри неё вспыхивали искры.

Его пальцы наткнулись на цепочку. Он тут же вздрогнул, отдернул руку, и Агата увидела на его ладони красный след — тонкий, будто металл прожёл кожу.

— Чёрт, — выдохнул он, сжимая руку в кулак.

— Что случилось? — она соскользнула с его колена, потянулась к его ладони.

— Защитная магия, — прошипел он, дуя на палец.

Агата смотрела то на его покрасневшую ладонь, то на кулон. Внутри всё смешалось: удивление, тревога и что-то ещё — инстинктивное понимание, что камень не просто так среагировал. Но она не стала додумывать. Слишком много всего случилось за этот вечер.

— Прости, — сказала она, касаясь его ладони. — Я не знала, что он так может.

Дмитрий перевёл дыхание. Медленно. Заставляя себя успокоиться. Внутри него всё ещё пульсировало желание — тяжёлое, настойчивое, требующее продолжения. Но отрезвляющая боль в ладони возвращала в реальность.

— Всё в порядке, — сказал он. — Это я виноват. Не стоило его трогать.

Он поднял на неё взгляд. В нём уже не было той голодной тьмы, что минуту назад. Только усталость.

Он поднялся, поправил бинт, поморщился. Агата видела, как он сжимает обожжённую ладонь, как на скулах играют

желваки.

— Нам обоим нужно остыть, — сказал он, не глядя на неё.

Он вышел из ванной. Агата осталась одна. Взглянула на себя в зеркало — на припухшие губы, на горящие щёки, на кулон, который всё ещё слабо светился.

Она сжала камень в ладони. Он был тёплым. Будто живым.

«Что это было?» — спросила она у своего отражения.

Отражение не ответило.

Дмитрий вышел на кухню, тяжело опустился на стул. Спина коснулась спинки, и он выдохнул, запрокидывая голову. Плечо пульсировало тупой болью, ладонь саднила от ожога, а в паху всё ещё было тяжело и горячо. Он сжал кулаки, пытаясь унять это.

Тишина в квартире была громкой. Он слышал, как она шуршит тканью в ванной, как открывает кран, как дышит — всё ещё сбито, всё ещё взволнованно.

Он закрыл глаза. И увидел её. Её тело. Её губы. Её пальцы, вцепившиеся в его плечи. Вкус её слёз на языке. Жар её кожи под своими ладонями.

Демон зашевелился под рёбрами — тягуче, недовольно.

«Ну и ну. — Голос прозвучал в голове, как скрежет по стеклу. — **Я, конечно, многое повидал, но чтобы ты так терял голову...**»

Дмитрий молчал, глядя в потолок.

«**Ты должен был забрать кулон,** — продолжал демон.

— **А вместо этого лапал девчонку и едва не кончил прямо в штаны.»**

Дмитрий усмехнулся — криво, устало.

— Зато теперь я знаю, что на кулоне защита, — сказал он негромко.

Демон замолчал. На секунду. Потом раздался его смех — низкий, перекатывающийся.

«**А ты не безнадёжен**», — произнёс он с ноткой одобрения.

Дмитрий поднял руку, посмотрел на красный след на ладони. Будто камень оставил на нём клеймо.

— Только родовой защиты мне не хватало, — добавил он тише.

Но ответа не последовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.